

И.С. Хугаев

РЕАЛИЗМ И УТОПИЯ ХАДЖИ-МУРАТА МУГУЕВА*

И.С. Хугаев**

Аннотация. В тексте дается общая фиксация основных идейно-тематических блоков и стилистических принципов литературного наследия Хаджи-Мурата Мугуева как осетинского русскоязычного советского писателя, одного из ярких представителей революционного романтизма и социалистического реализма.

Ключевые слова: Мугуев, фонд Хаджи-Мурата Мугуева, автобиография, революция, война, Восток, Кавказ, Осетия, осетинская литература, советская литература, социалистический реализм, утопия, детектив, исторический роман.

ПРЕАМБУЛА

В прошлом году мне несколько раз довелось участвовать в мероприятиях, посвященных 120-летию со дня рождения Хаджи-Мурата Магомедовича Мугуева.

Я испытывал в этой связи двоякие чувства: с одной стороны, радость от того, что имя Хаджи-Мурата Мугуева на слуху, что его творчество востребовано, с другой – грусть от сознания того, что, как «академический» специалист по Мугуеву, я остаюсь в Осетии в единственном числе.

Мугуев был знаменитым писателем, а, между тем, в науке он освоен слабо: за все время были защищены лишь две кандидатские диссертации по его творческому наследию [1]. Чем можно объяснить такой низкий уровень практического исследовательского интереса к произведениям Мугуева?

Прежде всего, безусловно, его русскоязычием: специалисты по русской литературе неофициально считали Мугуева прерогативой осетинского литературоведения, а осетинские филологи – прерогативой русского. У семи нянек дитя без присмотра. Какое-то время мы словно не хотели согласиться с Васо Абаевым, который сказал: «Двуязычие – наше естественное состояние, наша судьба» [2: 294].

1

Конец этой патовой ситуации положил во многом профессор Сулейман Базжеевич Саббаев, который руководил моей кандидатской диссертацией. В 90-е годы прошлого века я поступил в аспирантуру с твердым намерением писать диссертацию о творчестве Гайто Газданова (тогда это имя было овеяно такой тайной!). Однако Сулейман Базжеевич отнесся к моим планам несколько скептически. «О Газданове найдется кому рассказать, – ответил он, – посмотри, сколько французов хотят о нем рассказать. А кто расскажет миру о Мугуеве? Французы не расскажут».

И, раз уж я не сумел скромно остаться в тени, позволю себе завершить этот пассаж. Мне хочется выразить свои ощущения от метафизического контакта с Мугуевым.

Это был настоящий, нетривиальный урок патриотизма, за который я навсегда благодарен своему научному руководителю. Газданов меня сильно интриговал, в том числе и как писатель осетинской крови. Но вдруг мне стало стыдно перед Мугуевым, перед нашей родной литературой, перед нашей отечественной, и в частности кавказской и осетинской, культурой и историей. Перед теми писателями-соотечественниками, которые разделили судьбу народа. Тем более что с самого раннего детства у меня перед глазами были корешки двухтомного издания мугуевского исторического романа «Буйный Терек» 1974 года.

Тогда я открыл книгу Мугуева – и Мугуев стал для меня дверью в пространство Кавказа, Осетии, родной литературы и культуры. Гайто бы этого не сделал для меня. В силу объективной творческой темы.

Как смог бы Мугуев вернуть меня, заблудшего, на родину, не будь он, несмотря на свое русскоязычие, осетинским писателем?..

2

Мугуев принадлежит к известной плеяде осетинских транслингвальных писателей середины XX века: Езетхан Уруймагова, Василий Цаголов, Тотырбек Джатиев, Георгий Черчесов и другие. Филологически их следует определять как *полных транслингвов*, то есть, писателей, писавших исключительно *не на родном языке*.

Можно, развивая различные теоретические посылки, прийти к выводу, что человек может писать только на родном языке [3: 57]; если он пишет на русском, значит, он русский человек. «Зачем же такие категоричные интерпретации? – спросят меня. – Может быть, он еще не русский человек,

* Текст доклада, зачитанного на Общем собрании ВНЦ РАН и РСО-А (28.02.14).

** Хугаев Ирлан Сергеевич – д. ф. н., в. н. с. Комплексного научно-исследовательского отдела ВНЦ РАН и РСО-А (shmiksel@rambler.ru).

но он уже русский писатель». Но тогда пусть кто-нибудь объяснит мне, как разделить человека и писателя. Хотя бы на примере только Мугуева.

В виду объективных условий жизни, предстатели указанной плеяды утратили способность свободно изъясняться на родном языке, но они оставались, бесспорно, глубокими знатоками осетинского быта, истории, культуры, фольклора, эпоса, психологии своих соплеменников.

В.А. Жуковский писал: «Есть то, что всем нам нравится, и то, что нравится в особенности одному какому-нибудь народу. Частный характер народов чувствителен во всех сочинениях, несмотря на подражание древним. Вкусы наций различны. Страсти везде одинаковы, но их изображение различно» [4: 56].

Это – методологическое основание объективного бытия и научного изучения осетинского литературного русскоязычия.

3

Необходимость изучения творчества Мугуева диктуется и этическими соображениями: мы не можем поступаться своими героями.

В ходе работы с личными архивами Мугуева, которые после смерти писателя его вдова, Надежда Павловна, и сын Тимур передали Музею осетинской литературы им. Коста Хетагурова, я обратил внимание на обилие частных противоречий в биографических материалах. С одной стороны, это, конечно, следствие того, что Хаджи-Мурат никогда не заботился о порядке в своих личных бумагах (это часто бывает присуще большим людям), с другой – это я понял позже – нестыковки обусловлены тем обстоятельством, что Мугуев служил в разведке; революция и Гражданская война сделали его профессиональным разведчиком: обстоятельства секретности и сложности идеологической борьбы безусловно сказались на том комплексе документальных источников, которыми мы сегодня располагаем.

Жизнь Мугуева была насыщена событиями, как настоящий приключенческий роман (потому, вероятно, он и пришел к этому жанру в своем творчестве, – но об этом позже).

Вот несколько документов, относящихся к периоду революционной работы и Гражданской войны на Кавказе.

«Приказ члена РВС XI Армии Механошина № 839/л, от 5 февраля 1920 г.

Во исполнение директив РВС XI армии тт. Гикало и Хорошеву приказываю руководствоваться нижеследующим:

Первое. Иметь самую быструю, точную и тесную связь с РВС XI армии через т. Мугуева.

Второе. Вести контрразведку в зафронтовой полосе и о результатах срочно информировать РВС через т. Мугуева» [5: стеллаж 2, полка 1, коробка 9 (основной фонд)].

«Записка члена РВС Хорошева – Мугуеву от 5 февраля 1920 г.:

Т. Мугуев, информация «Командующего Солотовским фронтом... нахально неправильна. Никакой работы ими не ведется. Советы организованы такие, от которых, как говорит т. Джапаридзе, не знаем как и избавиться...» [Там же].

«Докладная Мугуева – Гикало от 6 февраля 1920 г.:

«...я, как начальник политагентуры, и просто как кавказец, думаю использовать Ваш авторитет и знание не только в Чеченском масштабе, но и в Осетии, Кабарде и Балкарии.

Т. Гикало, необходимо оповестить в самом срочном порядке все трудящиеся массы горского населения, что все разоренные аулы, все обнищавшие от рук денкинцев горцы, активно выступившие за Советскую власть, с приходом ее на Кавказ не будут забыты, и, наоборот, каждый аул, каждый горец будет возмещен за принесенные ему убытки. Это не слова, но факт, санкционированный Ревкомом Кавказа в лице т. Мдивани.

Кроме того, отсюда крайне неудобно связаться с Осетией и революционной (правда, очень небольшой) частью Терского казачества. Быть может, Вы сумеете помочь нам вести агитацию среди осетин и казаков от моего имени, которое достаточно известно среди тех и других (в особенности в Моздокском отделе). Пишите воззвания, листовки, но только не в духе 1918 года, – сейчас другой «воздух», нужно избегать всяких репрессий и угроз. Да, думаю, это писать даже излишне, так как Вам, старому революционному волку, это известно.

Воззвания эти подписывайте так: «Хаджи-Мурат (Борис) Мугуев». Это непременно, так как горские хитросплетения в области религии Вам, конечно, известны.

Посылаю к вам для связи двух нерусских людей: один Аббас Бабаев, участник всей нашей героической эпопеи, другой – чеченец аула Гойты Махмуд Цацаев.

Военно-политический горизонт сейчас для нас в мировом масштабе небывало ясен и многого обещающ.

Начальник политагентуры экспедиционного корпуса Х.-М. Мугуев» [там же].

«Приказ генерала Добровольческой армии Виктора Леонидовича Покровского:

«При поимке беглого подъяесаула Бориса Мугуева расстрелять на месте без суда» [там же, кор. 10, папка 1].

Эти документы показывают масштаб личности Мугуева и его роль в новейшей истории Северного Кавказа.

Заметьте, как Осетия богата разведчиками. У нас два знаменитых разведчика. И оба – Хаджи-

Мураты. Я имею в виду Героя Советского Союза Хаджи-Мурата Джиоровича Мамсурова, ставшего прототипом образа диверсанта Роберта Джордана в романе Эрнста Хемингуэя «По ком звонит колокол». И главным действующим лицом романа Георгия Черчесова «Под псевдонимом Ксанти».

Аварцы всюду говорят о своем Хаджи-Мурате, о котором написал Л. Толстой. Наши Хаджи-Мураты другого толка, но у них не меньше доблести.

Мугуев тоже ожидает своего биографа. Но уже здесь и сейчас он – главный герой. Поэтому впредь я намереваюсь чаще давать слово самому Мугуеву, чем рассуждать. Мугуев важнее, чем рассуждения о Мугуеве.

4

Автобиография – самый емкий, в известном смысле, литературный жанр; особенно автобиография воина-разведчика и при этом человека скромного.

Вот как Хаджи-Мурат Мугуев сам о себе рассказывает: «Происхожу из казаков-осетин... Родился 21 марта в 1893 года в станице Черноярской Северо-Кавказского края, Терской области в семье военного. Отец служил в штабе Кавказского военного округа в Разведывательном отделе, а затем в военно-историческом отделе штаба.

Окончив в Тифлисе среднее учебное заведение, я поступил в Кавалерийское училище, по окончании которого был произведен в хорунжий Терского казачьего войска, назначен в 1-й Горско-Моздокский казачий полк, в составе которого провел 1914 и половину 1915 года на Турецком фронте. Принимал участие в боях под Саракмышем, Караурганом, Эшак-Элясом, в Алашкертской и Евфратской долинах, на перевале Клыч-Киадук и пр. В середине 1915 года конный корпус генерала Баратова был переброшен на Персидский фронт, и 1-й Горско-Моздокский полк, входивший в 1-ю Кавказскую казачью дивизию, прошел с боями от Энзели до Ханикена.

Февральская революция застала полк на реке Диале (Месопотамия). В августе 1917 года части экспедиционного корпуса генерала Баратова стали стихийно требовать возвращения их в Россию. Под влиянием прибывших из Баку большевиков заколебались и казачьи части, и в середине сентября почти весь фронт распался и ушел – через всю Персию – обратно в Россию. 1-й Горско-Моздокский казачий полк вернулся в свои станицы и демобилизовался в городе Моздок.

Началась Гражданская война. По станицам шли горячие споры и деление на «стариков», державшихся прошлого уклада жизни и царского строя, и «молодых», вернувшихся с фронтов ка-

заков, требовавших введения Советской власти и ликвидации прошлого. Я хотя и был подъесаулом, тем не менее примкнул к «молодым».

1918 год прошел в боях, как с местной контрреволюцией в городах Владикавказ, Грозный и Кизляр, так и с надвигавшейся с Кубани белоказачьей добровольческой деникинской армией. После падения Советской власти на Северном Кавказе я попал в XI Астраханскую армию, в составе которой, в начале 1920 года, снова вернулся на Кавказ, в свои родные места.

Об этом повествуется в книге «Весенний поток».

Демобилизовавшись из Красной армии, я с 1926 года начал свою литературную жизнь, напечатав впервые в журнале «Красная новь» большой очерк «Восточные зрелища» и рассказ «Смерть Николы Бунчука». С этого времени и по сей день занимаюсь литературным трудом, выпустив в свет 16 книг. Некоторые из них: «Врата Багдада», «Ингушетия», «Линия фронта», «К берегам Тигра», «Степной ветер», «Кукла госпожи Барк», «В тихом городке», «Буйный Терек».

В июне 1941 года был мобилизован в ряды Советской армии. С 23 июня 1941 года служил в 62-й морской бригаде под Севастополем (в составе Черноморского флота) капитаном. В сентябре того же года был отозван в Москву и до декабря 1941 года был корреспондентом газеты «Красная звезда», – под Москвой, на Западном фронте, Вяземском направлении. В январе 1942 года был откомандирован в 32-ю стрелковую дивизию, в которой находился до октября 1942 года (за бои под Москвой она была вскоре переименована в 29-ю Гвардейскую). Первое время был строевым, затем переведен в дивизионную газету «Ворошиловец» с присвоением звания гвардии подполковника. С октября 1942 года до окончания войны работал в Военно-морском флоте, куда был отозван адмиралом флота т. Исаковым (в Москве – с выездами на фронты: Сталинград, Курская дуга, Кронштадт и Берлин).

В декабре 1945 годы был демобилизован и снова вернулся к своему литературному труду.

Хаджи-Мурат Мугуев» [там же, кор. 7].

Скончался Х.-М. Мугуев 3 ноября 1968 года в Москве, где и был похоронен.

5

Как видно из этой автобиографии, Хаджи-Мурат прошел три войны. Сегодня и те, кто воевал три дня – герои (это воистину так), но стоит задуматься о том, что такое не три дня войны, а три войны без выходного дня. Такова, по сути, была для России первая половина XX века.

Важно заметить, что Первая мировая идет-таки в зачет Мугуеву (как и всему его поколению, хоть война эта велась не Советами, а царизмом). Таким образом, Советской властью официально

признавалось политическое и культурное происхождение СССР как правонаследника Российского государства. Советская власть мыслила себя в контексте политической генеалогии и истории традиционной русской имперской власти. Современную Россию, в которой наблюдается долгожданный патриотический подъем и эмпирическое переживание за судьбы «русского мира», упрекают в имперских инстинктах и амбициях, – но это очень беспомощные и нелепые упреки. Если Россия и русский человек утратят чувство ответственности за обширные земли, которые волею Бога или Истории оказались в их ведении, – наступят темные времена для всей Евразии.

Повесть Мугуева «К берегам Тигра» – одно из самых лучших произведений советского периода о 1-й мировой войне, называемой империалистической. Потому что, отвечая обстоятельствам указанной генеалогии советской власти, Мугуев соединил в своем произведении эстетику нового времени с традициями русской классической литературы. Советская литература – тоже правонаследница русской литературной классики.

Вот что сказано в последнем абзаце «Предисловия», в котором Мугуев тоже, подобно автору «Героя нашего времени» или «Повестей Белкина», принимает на себя лишь стороннюю роль публикатора: «Листая страницы этих серых, дешевых тетрадей, я испытал чувство гордости за русского солдата, за свою страну, за наш мужественный, стойкий народ. В описанном походе мне почудилось что-то общее с переходом через Альпы суворовских чудо-богатырей...» [6: 8]. Здесь обозначен не только пафос: здесь декларируется эстетика и обозначается историческая концепция. Приглашающая, между прочим, всегда смотреть дальше и глубже, вплоть до средневековых германских экспансий.

В свете этого историзма и этой эстетики, актуальность которых нельзя опровергнуть, становятся понятны и современные события в Украине – трагически прекрасный феномен Новороссии.

6

Начинал Мугуев как поэт. Вопрос о лирике Мугуева актуализируется в связи с его революционной деятельностью в период Гражданской войны.

В штабе 11-й армии в табачном дыму ведутся споры о будущем, об искусстве грядущей эпохи, о значении литературы в новом мире: все великие революции начинаются с литературы.

Сохранились в архиве Мугуева листки календаря 1919–1920 гг. с грифом «Член Реввоенсовета Персидской Красной армии», испещренные карандашными автографами, принадлежащими, судя по почерку, разным людям. Они озаглавлены как «Шуточные вечера бесед и споров друзей» и относятся к астраханскому периоду жизни

и революционной работы Мугуева, освещенному в военных мемуарах писателя «Весенний поток» и очерке «Мироныч». Вот замечательный фрагмент этого документа, передающий атмосферу революционной «кухни»:

«Константин Томашевский (член Реввоенсовета, доцент литературы): «Командир глядит удало. // Фриче кстати был прочтен. // Все разбиты, всем попало, // Торжествует лишь Гикало, // А Мугуев удручен. // Всех пугает злая муха – // Споры, крики, стон и вой, // Неприятные для слуха... // Эй, вставай скорей, Ванюха, // И гони их всех метлой! (...) Носом шмыгая и споря, // Длань засунув в волоса, // Теоретик без теорий, // Об искусстве порет, порет // Осетинская краса. // Но его противник верен // Только Марксовым словам. // Носов – он не суеверен, // Он силен – за ним Костерин, // А за ним Гикало сам. // И с утра до поздней ночи // Весь синклит в поте лица // Про искусство зубы точит – // И пророчит, и пророчит, // И пророчит без конца».

Хаджи-Мурат Мугуев: «О, уважаемый член Реввоенсовета!.. // В вас вдохновения совсем заметно мало. // В вас ожидал увидеть я поэта, // А вы рифмуете Ванюху и Гикало! // Я понимаю, были вы не в духе, // И мало выпили джи-джи иль коньяку. // Я помогу. Вот мой совет: // Чтоб Ревсовет // Пред тем как...» [5: ст. 1, пол. 2, кор. 1].

Мы уже никогда не узнаем, что советовал Мугуев Реввоенсовету, поскольку здесь рукопись обрывается; возможно, в этот момент прозвучал приказ: «По коням!..»

Это, конечно, стихи шуточные; но и в них видно вовсе не шуточное отношение к поэзии, не говоря уже о серьезных стихах Мугуева.

О Мугуеве как поэте сегодня не говорят, но надо помнить, что он начинал именно как поэт. В 1973 году Андрей Гулуев, известный осетинский поэт, вспоминал о своей последней встрече с Мугуевым, имевшей место вскоре после войны: «Я сказал, – пишет Гулуев, – что я помню его стихотворения, напечатанные в журнале «Горская мысль» за 1922 год (из цикла «Песни Востока» – «Гашиш», «Энзели», «Призыв», «Шахерезада», «Ницца», «Ноктюрн» и др.). Хаджи-Мурат ответил, что он перешел на прозу и стихов больше не пишет...» [там же: ст. 2, пол. 1, кор. 7]. Может быть – предположим это ради юмора, который так любил Мугуев – что он обиделся на авторов аннотации первого онтологического сборника «Поэзия народов СССР» (1928) (куда вошел его «Гашиш»), по недоразумению назвавших его ингушским поэтом [там же: кор. 10].

От чистой лирики – «День по каплям медленно сочится, // Море тихо плещется; вдали // На зеленых островах залива // Разбросался яркий Энзели» [там же] – Мугуев приходит к гражданской революционной поэзии:

«Опять в смятении Бельведер, // И вновь в движении хитрый Сити. // От Гельсингфорса до Пари // Невидимые тянут нити. // По пенным Балтики волнам // Вновь бороздят гребни дредноуты // И скоро, скоро тут и там // Затянут песню пулеметы!.. // Лукавый брит и чванный пан // Француз, румын, белогвардеец // Напрягли зренье и глядят // На север, где стеной стоят // Мужик, рабочий и армеец. // Летят события чередой, // Как брызги бешенного вала. // Грудь дышит трудно пред грозой... // Скорей бы уж гроза настала!..» [Там же: пол. 2, кор. 3].

Сколько аллюзий с современностью!.. Кажется, в геополитическом плане мало что изменилось с тех пор, и даже Антанта продолжает свое существование.

Но при всей своей «революционной сознательности» Мугуев не постеснялся собственноручно переписать слова известного сегодня белогвардейского романса Александра Вертинского «Юнкерам» («То, что я должен сказать»): «Я не знаю, кому и зачем это нужно, // Кто послал их на смерть недожающей рукой...» [Там же: пол. 1, кор. 11].

Это – яркий гуманистический штрих к его портрету.

7

В молодости Мугуев предпринял несколько опытов и в лироэпическом жанре (жанре поэмы). В его личном архиве я разбирал интереснейшие наброски, которые дышат подлинно эпическим простором. Есть там и черновики поэмы, в которой лирический герой встречается ненастной ночью в горах Кавказа с горцем-ингушом, который дал путнику пищу и ночлег; есть сказочные романтические полотна о жизни Востока; а есть и замысловатые симбиозы реалистического сюжета и традиционных восточных мотивов.

Вот, например, начало одной из таких поэм (она не озаглавлена): «Глава 1. Из дремучих зарослей бамбука, // Грудью рвя лиан густую сеть, // Шел старик, факир из Гандилука // Разузнать таинственную весть. // Говорят повсюду, что далеко, // Там, где вечные снега и холода, // Для забытого и жалкого востока // Загорелась яркая звезда. // Что родился миру светлый гений, // Тот, кто выше Будды и Христа, // Кто земных не знает разделений, // И о ком мечта, как снег, чиста...» [Там же: пол. 2, кор. 8].

Лироэпические эскизы Мугуева чем-то определенно напоминают «африканские» поэмы Николая Гумилева и поэтику Редьярда Киплинга, – при, как мы видим, полной самобытности тематики и идейной тенденции.

8

Вообще так случилось, что на Востоке пересеклись судьбы многих российских литераторов и художников. Позже Алексей Евграфович Ко-

стерин, видный революционер и друг Х.-М. Мугуева, написал замечательную статью об этих людях («Русские дервиши»). Там он рассказывает о поэте Велимире Хлебникове, о нашем выдающемся писателе Дзахо Гатуеве, о художнике Мечиславе Доброковском.

В частности, мне было интересно узнать, что образ всадника на пачке папирос «Казбек», принадлежащий перу художника Моора (Орлова Дмитрия Стахиевича, автора плаката «Ты записался добровольцем?!»), он позаимствовал у Мечислава Доброковского, который сделал иллюстрацию к одному из рассказов Дзахо (предположительно, «В абреки», 1911) [7].

Велимир Хлебников, этот, по выражению В. Маяковского, «Колумб новых поэтических материков» [8: 630], работая над своей знаменитой поэмой «Зангези», был, вероятно, вдохновлен и нашими соплеменниками: «...Врешь, курва. // Сволочь! // А! Господа мать! // Не спас головы // Для красной свободы... // Первый осетинский конный полк, // Шашки выдергать – // Вон! За мной! // Направо руби, // Налево коли!..» [9].

9

Как писатель Мугуев был вдохновлен не только революцией, но и Востоком как таковым – его густыми яркими красками, его знойным простором, культурой и красотой населяющих его народов. Он с удовольствием записывал тексты восточного фольклора, – и при этом очевидно, что он, подвергая их творческой обработке, придавал им новый блеск.

В Архивах писателя я обнаружил цикл замечательных анекдотов-миниатюр «Улыбка Востока». Вот одна из них, под заголовком «Зеркало»:

«Один мулла из далекого горного аула поехал как-то по делам в Дербент. Через неделю он вернулся, привезя с собою матери и жене подарки. Когда мулла ушел в мечеть, жена занялась разборкой его хурджинов. Разбирая вещи, она нашла небольшое зеркало.

Вдруг, вся в слезах, она выбежала из сакли и, еле сдерживая рыдания, кинулась к свекрови, возившейся у очага.

– Что с тобой, дочка? Что случилось? – спросила ее обеспокоенная старуха.

– Я, видно, надоела твоему сыну, – глотая слезы, проговорила та, – он привез себе новую жену...

– Какую жену? Где она? Я что-то не видела ее...

– Она... лежит у него... в хурджине.

– Пойду посмотрю, что это еще за напасть на наш дом, – качая головою, вздохнула свекровь.

Через минуту она вернулась обратно и успокоено сказала:

– Ну и охота тебе, красавица, расстраиваться из-за какой-то старой ведьмы!..» [5: ст. 1, пол. 3, кор. 2].

10

Проза Мугуева мужала и обретала серьезный тон благодаря всенародному пассионарному подъему, вместе с победами Красной армии. Военные мемуары «Весенний поток» – одно из самых ярких произведений о революции и Гражданской войне (сопоставимое с «Железным потоком» Серафимовича). Это документальное свидетельство не только военных событий, но и вдохновенного труда по обновлению жизни, идеологических и нравственных процессов, в которых формировался новый тип человека.

Описывается один из астраханских субботников: «Это... удивительная форма нового трудового содружества свободно объединенных людей. Всем тяжело, это видно по покрасневшим натруженным лицам, но тем не менее всем радостно и весело. Иногда крикнешь и согнешься под тяжестью обода или рельса, но почему-то хочется петь, на сердце легко, и ты, обтирая рукавом пот, на лету подхватываешь слова песни, которую поют рядом твои так же возбужденные, так же уставшие соседи» [10: 34].

«Свободно объединенные люди»: какой прекрасный идеал! Ввиду таких идеалов деньги – фальшивка.

11

Позволю себе несколько отвлеченных (не слишком) соображений. Перед современной филологией стоит большая и актуальная задача – освоения и оценки литературы советского периода с позиции современности.

Не будем, подобно футуристам (о которых я здесь уже говорил и которых цитировал), призывать «бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. с Парохода современности» [11: 3], дискредитировать творчество Маяковского, Горького, Серафимовича или Фурманова.

Говоря о поэтике и историческом значении этой литературы, о ее некоторых художественных недостатках и излишествах и идеологических натяжках, надо помнить, что у советского человека был непримиримый идейный враг. Поэтому он есть и в литературе. Сегодня становится и для нас очевидно, что советский человек не был параноиком. Что он как бы нутром чувствовал, откуда и какого рода грозит ему опасность.

Задача литературоведения, литературной критики и педагогики состоит ныне в том, чтобы выяснить, помимо остального, смысл целого ортодоксальной советской литературы как высшую историческую форму утопии, увидеть ее в контексте мировой и европейской литературы, примирить ее идеалистический пафос с историческим материализмом. В самом деле, советский писатель был материалистом, – однако ни в одной литературе не было столь жесткого требования *идейности*, как в советской. Когда-нибудь

советская литература будет таким же изысканным предметом научного разыскания, каким сегодня является античная.

Коммунизм, возможно, утопичен; но коммунисты были.

Социалистический реализм – это правда и правдивость трудового человека.

Только трудовой человек обладает врожденным чувством справедливости – вот основание диктатуры пролетариата и социалистического реализма.

12

В период Великой Отечественной войны Мугуев написал десятки рассказов (к одному из них мы обратимся в заключении), статей, очерков и фельетонов, которые отличают острая тема, точный и выразительный язык, смысловая перспектива, реализм и объективность без натуралистических наклонностей. Этот военный реализм Мугуева лучше всего объясняет он сам: «Помоему, лучшие произведения – это те, которые написаны не писателями-корреспондентами, а солдатами и офицерами, ставшими писателями по окончании войны. Войну и солдатскую жизнь правдиво и реалистично может описать только тот, кто сам жил в казарме, лежал подолгу в окопах, кормил вшей, холодал и голодал вместе с солдатами, совершал переходы и поднимался первым в атаку. Как Толстой, Лермонтов, Станюкевич, Куприн...» [5: ст. 2, пол. 1, кор. 12].

«Военная тема, солдатский героизм, повседневный и обыденный, стал лейтмотивом всего творчества Мугуева, и сам он впитал доблестные черты русского солдата и славные традиции прогрессивной части русского офицерства... Его книги овеяны трагической романтикой подвигов...», – писал Август Явич [там же].

13

В литературных энциклопедиях и справочниках о Мугуеве пишут: «Некоторые произведения автора имеют детективную составляющую. Повесть «Кукла госпожи Барк», по некоторым оценкам, является хрестоматийной в этом жанре» [12]. К последнему относятся у Мугуева и такие повести, как «В тихом городке», «Бриллианты императрицы», «Огненная лапа» и др.

С точки зрения сюжетной линии и жанрового материала Мугуев во многом превзошел современность: шпионы, диверсанты, террористы, роковые красавицы, бомбы, закамуфлированные под невинные игрушки... Но приключение и детектив у Мугуева не самоцель (вообще, советская литература никогда не опускалась до сугубо развлекательной функции); даже в этих произведениях поднимаются большие духовные проблемы.

Мугуев оставил нам детективы умные, психологически живые, содержательные, мобили-

зующие дух и пробуждающие сознание. Один из героев видного советского писателя Виля Липатова, простой сибирский паренек Венька с головой погружен в чтение повести Хаджи-Мурата Мугуева «Кукла госпожи Барк» (так же называется и рассказ Липатова): «Вот живут же люди! – восклицает он. – Борются, любят, побеждают! А мы как живем? Всю жизнь здесь проторчишь, а ничего путного не сделаешь» [13: 458].

Это настолько искренне, что кажется нам при творством.

14

«Буйный Терек» – крупнейшее произведение Мугуева; роман освещает знаковые исторические события Большой Кавказской войны, в которые вплетены судьбы десятков вымышленных героев – русских и горцев. Мысль романа нельзя выразить в общих определениях, но если бы мне это было предложено, я бы, вероятно, вспомнил прежде всего одну из третьестепенных сюжетных линий романа, именно историю знакомства и отношений есаула русской армии Желтухина и видного чеченского мюрида Кунты-эфенди. На страницах романа эти герои встречаются трижды; последний раз – в поединке.

Желтухин одолел противника, получив тяжелые ранения. У Мугуева читаем: «Есаул, скорчившись, опустился на траву возле убитого им чеченца, а ротный фельдшер, облив водой сквозную рану на плече, засовывал во входное и выходное отверстие тампоны. «Чуток бы ниже, убил бы вас гололобый», – сказал фельдшер, пинная ногой убитого. «Не трожь его, сука, клистирная трубка!.. Не тебе чета был человек... Кабы он живой был, ты бы возле него дышать не смел!» – закричал есаул, и на его бледном от боли лице пробилась румянец» [14: 329].

Россия и Кавказ у Мугуева – вопреки продолжающемуся кровопролитию – уже составляют единое органическое целое благодаря глубокой взаимной симпатии героев, стоящих по разные стороны Кавказской линии. Булакович и Небольсин прекрасно понимают Шамиля и Гази-Магомед. Есть нечто глубоко родственное между главной мыслью «Буйного Терка» и «Балладой о Востоке и Западе» Р. Киплинга: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, // Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд. // Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род, // Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?» [15: 349].

В равной мере рыцари и храбрецы, Кунта и Желтухин, должны быть братьями.

Братство и куначество умных, сильных, честных, бесстрашных людей разных национальностей – вот, сказал бы современник, идеал и утопия Мугуева. Но в литературе нет ничего реальнее идеалов.

15

В последний раз Хаджи-Мурат Магомедович Мугуев был на родине, в Осетии, в 1963 году, где 5–6 февраля состоялся съезд осетинских писателей. После окончания съезда, на котором был заслушан отчетный доклад Г. Кайтукова и на котором выступил и сам Х.-М. Мугуев, делегаты и гости съезда возложили венки на могилу Коста Хетагурова и других деятелей осетинской культуры и литературы.

По воспоминаниям вдовы Х.-М. Мугуева, Надежды Павловны Мугуевой (ныне тоже покойной), здесь, в ограде осетинской церкви Пресвятой Богородицы, «стоя на могиле Езетхан Уруймаговой, он обратился к товарищам, бывшим с ним, спросил: «А для меня тут место найдется?..» Конечно, все хором пожелали Хаджи-Мурату здоровья на долгие годы. «Но... если придется, – сказал кто-то тихо, – то... не сомневайтесь, Хаджи-Мурат Магомедович. Ведь это ваша земля». Позже, уже в Москве, я задала Хаджи-Мурату вопрос: «Значит, ты уготовил себе место в Осетии... А как же мы?» Помолчав, он ответил: «Если бы не ты и сын, я хотел бы покоиться там. Я верю, что меня будут помнить мои соотечественники» [5: ст. 2, пол. 1, кор. 7].

Естественно, Хаджи-Мурат никогда не терял связи со своей малой родиной: в Осетии издавались и переиздавались его книги, в разное время он состоял в переписке с деятелями осетинской науки, культуры и литературы – Таймуразом Тетцоевым, Ашахом Токаевым, Нафи Джусойты, Дакка Зангиевым, Муссой Хакимом (Моисеем Домбой), Тазретом Бесаевым, Татьяной Гальченко, Борисом Муртазовым, Балло Тхапсаевым, Харитоном Чибировым и другими.

Да и творчество его самым тесным образом связано с Осетией; достаточно вспомнить некоторых из мугуевских героев-осетин: лейтенанта Тускаева («Казачья засада»), генерала Плиева («Конец немецкого бронепоезда»), полковника Икаева («Градоначальник»), сержанта Соеова («Кукла госпожи Барк»), хорунжего Туганова и прапорщика Абисалова («Буйный Терек»), а также героев его «мирных» очерков – председателя аульного совета Гетагаза Калицова, рабочего Сосланбека Баграева, наконец, русского Ивана, «обосетинившегося» и ставшего Темболатом...

Следует специально вспомнить два рассказа Хаджи-Мурата – «Книги» и «Песня». Герой первого, безымянный офицер Красной армии, которая в 1941 году отступала из горящей Вязьмы, спасает из городской библиотеки восемь книг: Байрона, Руставели, Блока, Тютчева, Шиллера, Пушкина, Толстого и – «Осетинскую лиру» Коста Хетагурова. «Песня» же и вовсе стоит в творчестве Мугуева особняком. Это – один из поздних рассказов Мугуева, в котором совершается творческое воз-

вращение писателя на родную почву, к истокам, всегда питавшим его искусство независимо от решаемой темы, сюжета и языка; это акт покаяния и благодарения: «...Давно я не бывал на своей родине, в Северной Осетии... Проходя по одной улочке, я внезапно остановился. Из-за плетня слышался слегка надтреснутый женский голос. Лилась песня... Слова были простые и такие обыкновенные, но я, прижавшись к плетню, слушал и слушал их: «Сау хади муркита, // Хор вама на касуй...» Несколькими глуховатый, негромкий голос, но что он сделал со мной! Я стоял, держась за плетень, а мелодия и слова песни внезапно озарили мою память. Эту самую песню, детскую песенку о ягодах калины, растущей в темном лесу без тепла и света солнца, я сам много-много раз слышал от матери... Позже, уже будучи подростком, я узнал, что песня эта была написана осетинским поэтом Блашка Гурджибековым, убитым на японской войне» [16: 317].

Как в воду смотрел Хаджи-Мурат, когда сказал, что в Осетии его будут помнить. Хочу предложить вашему вниманию еще один документ из личного архива Мугуева – самое яркое свидетельство этой памяти: текст, выполненный в канонах осетинской героической песни. Автор ее – ветеран войны, наш

земляк и преданный читатель Х.-М. Мугуева Михаил Сабети. Он написал ее по-осетински и сам же составил подстрочник:

«Дорогому Хаджи-Мурату «Зарди зар» (14.11.1968): «Волнующим сердцем, наше солнце, тебя вспоминаем, // Наш почетный сын Мугу, Хаджи-Мурат. // Жестокая болезнь в твоём сердце свила себе гнездо, // Наше сердце доброе, наш высоко созданный Хаджи-Мурат. // Ты ведь был большим любимцем народа, // В большом мире ты жил среди тех, // Среди народа ты был избранник и честно выполнил долг, // Родину свою с любовью ты красиво любил. // Бедного ты без внимания никогда не обходил, // Поколения ты на светлый путь наставлял, // Народу своему ты светлым сердцем песни пел, // Младших ты нежным сердцем любил. // Мурат, последним ты не оставался в своё время, // Впереди нас шел со стальной сердечной закалкой, // Бесконечно ты сердце наше надеждой питал, // Бесконечно ты свои слова нам с лаской писал. // И вот ныне, наше солнце, счастливый путь тебе, Хаджи-Мурат, // Вся земля Москвы пусть будет тебе пухом, // Вечная память тебе, наш любимый Хаджи-Мурат, // Вечная память тебе, наш бессмертный Хаджи-Мурат» [17: 166].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Кавказская война XIX века в романе Хаджи-Мурата Мугуева «Буйный Терек»: историзм, нарратив, идеал», 2014–2015; проект № 14-14-15001, «а(р)».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальченко Т.К. Творчество Хаджи-Мурата Мугуева. Автореф. дис. канд. филолог. наук по спец. 10.641. – М., 1971; Хугаев И.С. Россия и Кавказ в историческом романе Х.-М.М. Мугуева «Буйный Терек». Автореф. дис. кандидата филолог. наук. по спец. 10.01.02. – Владикавказ, 1997.
2. Абаев В.И. За родную речь // Абаев В.И. Избранные труды: Общее и сравнительное языкознание. – Владикавказ: Ир, 1995.
3. Джусойты Н.Г. Что это такое – родной язык писателя? // Джусойты Н.Г. Книга друзей: Сочинения последних лет. – Нальчик: Эльбрус, 2003.
4. Жуковский В.А. Конспект по истории литературы и критики // Жуковский В.А. Эстетика и критика. – М.: Искусство, 1985.
5. Фонды СОМОЛ (Северо-Осетинского музея осетинской литературы им. К.Л. Хетагурова). Фонд Х.-М.М. Мугуева.
6. Мугуев Х.-М.М. К берегам Тигра // Мугуев Х.-М.М. К берегам Тигра: Повести. – Орджоникидзе: Ир, 1978.
7. Костерин А.Е. Русские дервиши // Москва. 1966, № 9, стр. 216–221. – URL: <http://ka2.ru/hadisy/kosterin.html> (06.07.2014).
8. Маяковский В.В. В.В. Хлебников // Маяковский В.В. Соч. в 2 т. – М.: Правда, 1988. Т. 2.
9. Хлебников В.В. Зангези. – URL: <http://www.electroniclibrary21.ru/poetry/hlebnikov/04.shtml>
10. Мугуев Х.-М.М. Весенний поток // Мугуев Х.-М.М. Весенний поток: Военные мемуары. Повести. – Орджоникидзе: Ир, 1983.
11. Пощечина общественному вкусу. В защиту свободного искусства: Стихи, проза, статьи. / Д. Бурлюк, Н. Бурлюк, А. Крученых, В. Кандинский, Б. Лившиц, В. Маяковский, В. Хлебников. – М.: Изд. Г.Л. Кузьмина, [1913] (Типо-литогр. Я. Данкин и Я. Хомутов).
12. Хаджи-Мурат Магомедович Мугуев. – URL: <http://coolib.net/a/15895> (09.07.14).
13. Липатов В.В. «Кукла госпожи Барк» // Липатов В.В. Собр. соч.: В 4 т. – М.: Молодая гвардия, 1985. Т. 4.
14. Мугуев Х.-М.М. Буйный Терек. Роман: В 2 кн. – Орджоникидзе: Ир, 1974. Кн. 2.
15. Киплинг Р. Баллада о Востоке и Западе // Зарубежная поэзия в русских переводах. – М.: Прогресс, 1968.
16. Мугуев Х.-М.М. Песня // Мугуев Х.-М.М. Рассказы разных лет. – М.: Воениздат, 1978.
17. Хугаев И.С. Зарди зар: к 120-летию со дня рождения Хаджи-Мурата Мугуева // Дарьял, 2013. № 5.

REALISM AND UTOPIA OF HADJI-MURAT MUGUEV

I.S. Khugaev

D.Litt. Senior Researcher Scientist. Vladikavkaz Science Center of Russian Academy of Sciences (shmiksel@rambler.ru).

Abstract. The text provides a general fixation of major ideological clusters and stylistic principles of the literary heritage of Hadji-Murat Mugev as Russian-language Ossetian Soviet writer, one of the brightest representatives of revolutionary romanticism and socialist realism.

Keywords: Mugev, fund of Hadji-Murat Mugev, autobiography, revolution, war, East, Caucasus, Ossetia, Ossetian literature, Soviet literature, socialist realism, utopia, ideal, a detective, a historical novel.